

УДК 82-09

Б. В. БЕР И А. К. ШЕЛЛЕР-МИХАЙЛОВ: ЭПИСТОЛЯРИЙ КАК КЛЮЧ К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ МИРУ

И. М. Перепелкин

Статья посвящена истории творческого диалога между поэтом и переводчиком Б. В. Бером и его литературным покровителем А. К. Шеллер-Михайловым. На основе анализа эпистолярия восстанавливается история знакомства, литературных связей и сотрудничества двух художников реалистического и предмодернистского направлений, выявляются основные мотивы переписки, являющейся, с одной стороны, свидетельством знакомства и общения представителей разных литературных поколений, а с другой – любопытным эпистолярным текстом, актуализирующим такие смыслы, как «старое» и «молодое», «столица» и «провинция», «ремесло» и «вдохновение». Рассмотрение творческого диалога между Б. В. Бером и А. К. Шеллер-Михайловым интересно как с точки зрения характеристики каждого из участников переписки, так и с точки зрения понимания природы предмодернистской эстетики, формировавшейся в условиях одновременного усвоения и отторжения классических традиций.

Ключевые слова: Б. В. Бер, А. К. Шеллер-Михайлов, эпистолярный, предмодернизм, мотивы.

Имя поэта и переводчика Б. В. Бера (1871–1921) сегодня уже не относится к забытым: статья о нём и о его творчестве опубликована в авторитетном биобиблиографическом словаре «Русские писатели 1800–1917 гг.» [1, с. 240], фигурирует его имя и в публикациях, посвящённых его современникам – М. Горькому [2], А. А. Кондратьеву [3; 4; 5] и некоторым другим [6], изучаются его переводы [7; 8] и оригинальные сочинения; среди последних исследований есть и несколько работ, написанных нами – как самостоятельно, так и в соавторстве с другими исследователями [9; 10; 11]. Тем не менее, назвать Б. В. Бера изученным ещё далеко нельзя: до сих пор не выявлены истоки его поэтики, практически не описано – за очень редкими исключениями – творческое окружение и творческие же контакты, не выяснено влияние Б. В. Бера на современников, если такое влияние имело место. Для того же, чтобы предположить и факт этого влияния, и – довольно заметной роли, которую мог играть в литературном процессе своего времени Борис Бер как представитель русского поэтического предмодернизма, на наш взгляд, есть все

условия: выходец из дворянской семьи, Бер учился в Московском, Петербургском и Казанском университетах, знал несколько иностранных языков (и служил цензором иностранных периодических изданий), на протяжении многих лет публиковался в столичных журналах – «Вестнике Европы» и «Живописном обозрении», и, наконец, выпустил три собственные книги стихов (1897, 1907, 1917) и выступал с переводами М. Метерлинка, Э. Верхарна и других поэтов. Среди знакомых и даже близких друзей Б. В. Бера в разное время были уже названные А. Блок и А. Кондратьев, А. Добролюбов и М. Горький, и ещё многие другие, переписывавшиеся с ним, дававшие ему свои советы или, напротив, прибегавшие к его помощи и искавшие советов у него, может быть, не всегда успешного в продвижении результатов своего литературного труда, но – трудившегося упорно и настойчиво, и не покладая рук.

В настоящем докладе, посвящённом истории знакомства и творческого диалога Б. В. Бера с его старшим современником и литературным покровителем А. К. Шеллер-Михайловым, личные и творческие связи Бера с

© Перепелкин И. М., 2023.

Перепелкин Иван Михайлович (ivan_perpelkin2003@mail.ru), студент II курса факультета филологии и журналистики Самарского университета, 443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34.

которым датируются 1895–1900 годами и ещё никогда не были объектом исследовательского внимания, мы будем опираться на эпистолярное наследие Б. В. Бера, ныне хранящееся в фондах Самарского литературно-мемориального музея имени М. Горького. Значительную часть этого эпистолярия – восемнадцать документов – составляют письма и телеграммы А. К. Шеллер-Михайлова, написанные, в том числе, в ответ на эпистолярные же послания самого Б. В. Бера. К сожалению, послания Б. В. Бера не сохранились или пока не обнаружены нами в других архивохранилищах, их поиск – дело будущего. Письма же и телеграммы А. К. Шеллер-Михайлова, писавшиеся в продолжении нескольких лет, представляются любопытным для исследователя объектом, в котором от документа к документу разворачивается как не лишённая интереса история биографического характера, так и весьма насыщенная, а местами – драматическая, история творческих связей.

В ходе работы применяется историко-литературный и биографический методы исследования.

Переписка Б. В. Бера с А. К. Шеллер-Михайловым началась в 1895 году и продолжалась до начала 1900-го, то есть оборвалась буквально за несколько месяцев до конца литературного покровителя молодого поэта. Далее мы остановимся на нескольких письмах А. К. Шеллер-Михайлова к Б. В. Беру, представляющих интерес как с точки зрения биографического знакомства и общения представителей разных литературных поколений, так и в аспекте выстраивания своего рода текста, фиксирующего диалог двух традиций – реалистической и предмодернистской.

Так, в конце мая 1895 года в письме, адресованном из Петербурга в Ардатов, где в это время находился Б. В. Бер, речь идёт, во-первых, об общих знакомых автора и адресата, приходящихся родственниками Беру. Об одном из этих знакомых – «дяде Андрюше» – и об их несчастиях Бер сообщил в Петербург, а вот теперь его петербургский покровитель делился с ним своими соображениями об услышанном («если бы судьба не была безмозглым олухом, то не наделяла бы достойных лучшей участи людей такую провную неудач, как его; он делается уже не Андреем, а Макаром, на которого валяются, как

известно, даже не бывшим в семинарии, все шишки» [12]). В этом же письме впервые вводится противопоставление, которое будет ещё не раз и не два акцентироваться в переписке между А. К. Шеллер-Михайловым и Б. В. Бером: это противопоставление холодного и неуютного Петербурга, с одной стороны, и почти что райского провинциального «уголка», в котором ныне находится молодой поэт. Тогда как Петербург – это «яма на Митрофаниевском кладбище», полусонные извозчики, бесцельные поездки на «стрелку», чтобы «показать себя всему Петербургу», «уголок», в котором находится поэт, – тихое, спокойное и умиротворяющее пространство. Указанное противопоставление осложняется и ещё одним, возрастным: поэт, как подчёркивает автор письма, молод и поэтому беззаботен, а его петербургский визави – «ходячая хандра», которая вот-вот «пристроится в свою яму на Митрофаниевском кладбище, где он имеет счастье состоять помещиком» [12]. «Мне достаточно скучно без вас» [12], – констатирует А. К. Шеллер-Михайлов, уточняя при этом, «не делайте кислой мины: это не дядюшкино наставление, а пожелание» [12].

В письме от 11 июля А. К. Шеллер-Михайлов продолжил играть взятую им на себя ранее роль наставника, призывающего взяться за ум юношу, способного на необдуманные шаги и поступки. Жизнь «бродячей кометы» представляется автору письма «красивой в поэзии», но совсем иной «на практике», из чего можно заключить, что «поэзия» и «практика» существуют в сознании А. К. Шеллер-Михайлова по разные стороны некой оси координат, противопоставлены друг другу и имеют очень мало общего. Свою роль наставника он видит, в том числе, и в том, чтобы предостеречь юношу от их неоправданного сближения, являющегося, с его точки зрения, результатом заблуждения и юношеской незрелости.

Первое осеннее письмо 1895 года, датированное 4 октября, интересно с точки зрения «литературной» жизни Б. В. Бера: в нём А. К. Шеллер-Михайлов даёт пространственный комментарий относительно удавшихся и неудавшихся публикаций молодого поэта, а также описывает картину литературного мира столицы середины 1890х гг.: «Проза анонсирована на будущий год. Из стихов

пройдёт немного <неразб.> немногого больше стихотворения в <неразб.> месяце. Многие погибли в руках цензуры за... откровенность и не имение фигового листка» [13].

Встречаются в этом письме и интересные своей субъективной оценкой высказывания в отношении редакций журналов и отдельных литературных деятелей: «Насчёт издания отдельной книги стихов – подождите. Долго ли ждать? Ну, хоть год. Бросьте два-три стихотворения ещё в “Ниву”, ко мне, ещё куда-нибудь, – и тогда с Богом издавайте книгу. А то “Вестник Европы” и я – это ещё мало заручек. Вы знаете, какой лай поднимается против “чужих”? И надо сказать, что этот лай редко бывает заслуженным вполне...» [13].

А вот дальше в письме А. К. Шеллер-Михайлова появляется имя человека, по его мнению, этот волне «лай» заслужившего, – этим человеком оказывается «психопат Добролюбов», творчество которого не только вызывает сочувствия у пишущего, но представляется ему синонимом разложения поэзии и конца искусства, «петербургским кошмаром»: «Вы помните этого субъекта? Или всё петербургское стало для Вас полузабытым кошмаром?» [13]. Интересна и фраза в самом конце этого же письма: «“Отверженного” написал он! Каково? Удивил?» [13], которая, судя по всему, имеет все основания относиться к добролюбовской же поэтической книге «Natura naturans. Natura naturata», вышедшей в 1895 году и «по словам одного из критиков, ошеломившей читателей “как свалившийся на голову кирпич”» [14, с. 151].

Следующее письмо, датированное 4 ноября 1895 года, также посвящено Добролюбову и начинается со слов: «Дорогой Борис Владимирович, посылаю, согласно Вашему желанию, безумие Добролюбова» [15], а также содержит ряд комментариев самого А. К. Шеллер-Михайлова: «Действительно, смотря на эту книгу, сомневаешься в здравом уме автора. И сколько претензий – я сказал бы: бесстыдных, если бы мог представить тут хоть искру сознательного» [15].

Любопытно, что тема «здроваго ума» и «сумасшествия», актуализировавшаяся в переписке Б. В. Бера и А. К. Шеллер-Михайлова, либо – только в письмах последнего, в связи с

книгой «психопата Добролюбова», развивалась в этих письмах и далее, но – уже безотнositельно автора «Natura naturans. Natura naturata». «Вы думаете, что я умер или сошёл с ума, как Успенский и Альбов? – напишет А. К. Шеллер-Михайлов в первых строках своего февральского письма следующего, 1896-го, года. – Нет, я ещё только на пути к этому. Что ни день, то неприятности – и нет ни просвета, ни выхода. Разумеется, тут не до писем, тем более, что жаловаться и ныть – и пошло, и глупо. Поможет это, что ли?» [16].

Происхождение этой темы становится вполне понятным из дальнейшего содержания письма: «Ждал я Вас в Питер. Не приехали – и умно сделали: там хоть отдохнули, что видно из одного Вашего письма, где впервые я увидел, что Вы довольны и деревенской тишиной, и <гармоникой>, и приятелями. Здесь же мы только кого-то хоронили <...> Устали даже хоронить своих покойников!..» [16].

В 1897 году Б. В. Бер получил три послания от своего петербургского наставника, в первом из которых – февральском – А. К. Шеллер-Михайлов жалуется на свою чрезвычайную занятость («Нет минуты для передышки. Сейчас пишу тебе, написав уже шесть деловых писем. А письма – это моя Ахиллесова пята. Сейчас, чтобы написать Мопассану, разорвал пять начатых записок» [17]), рассказывает о литературных встречах («К. С. <Станюкович> был у меня всего два раза и оба при большом народе, а потому сказать о нём основанного на наблюдениях мнения не могу. Он молчит до того, что когда один из присутствующих спросил, как его зовут, – он ответил: “До-до, так меня все зовут”... У меня он встретил Мережковского и <неразб.> перед ним в такие преувеличения и приторные похвалы, что тот мог принять это за насмешку, не будучи вовсе глупым. А младенец, тотчас по уходе М<ережковского>, обратился ко мне с извинением: “Вы извините, что я так восхвалял его; мне нужно быть у него и выяснить одну сплетню”. Мне оставалось только пожать плечами...» [17]) и критикует, хоть и очень мягко, дружески, новые стихи своего адресанта («Стихи твои получил, набрал и одно уже поместил. <Неразб.>, есть красивые строки, но хоть отбавляй сладострастия. Ах, ты грек... или грех!» [17]).

Заслуживает внимания, видимо, последнее или одно из последних писем А. К. Шеллер-Михайлова от 11 января 1900 года:

«Милая моя образина! Посылаю тебе оттиски. Досадно, что нельзя был сделать на другой бумаге, иначе пришлось бы переделать машину, так как подходящего формата нет. Впрочем, что я говорю тебе об этой технике? Ты всё равно её не поймёшь! Конечно, сие удовольствие, то есть оттиски, ничего не стоят? Ты всё ещё валяешься? Скверно, душа моя!

Обнимаю и целую твою милую морду.

Твой с потрохами А. Шеллер.

11 янв<аря>, 1900 (не пишется, черт возьми)» [18].

Как видно из приведённого письма, отеческая назидательность и желание несколько взбодрить и организовать молодого поэта, чей образ жизни кажется автору письма сибаритским и взбалмошным, никуда не исчезли, но теперь они слегка разбавлены иронией пополам с добродушной и даже отчасти панибратской игрой («милая моя образина», «ты всё равно... не поймёшь», «сие удовольствие», «ты всё ещё валяешься», «душа моя», твою милую морду», «твой с потрохами» и т.д.). Чем именно вызвана эта неожиданная смена тона – сказать затруднительно, скорее всего – достаточно длительным (не менее пяти лет) знакомством и сложившимися за эти годы дружескими отношениями; но возможно, сыграло свою роль также и то обстоятельство, что к этому времени вчерашние наставник и его юный протеже превратились если не в собеседников, которые говорили между собой на равных, то стали к этому гораздо ближе, чем в начале их знакомства: к 1900 году Б. В. Бер был автором большой книги стихов, увидевшей свет у известного в России издателя, его стихи регулярно публиковались на страницах столичных изданий, он успел приобрести ряд знакомств в литературном мире, – всё это вместе и позволило А. К. Шеллер-Михайлову сменить тон, превратившись из серьёзного наставника в ироничного товарища.

Заключение

Как видно из рассмотренной переписки (а точнее – одной её части, принадлежащей А. К. Шеллер-Михайлову) чаще других в письмах литературного мэтра вступающему

на литературную дорогу поэту фигурируют мотивы противопоставления Петербурга и провинции, хандры и беззаботности, близости к смерти и молодости, житейских тягостей и поэтических фантазий. Хорошо знающий жизнь и все её тяжести, старый литературный труженик А. К. Шеллер-Михайлов наставляет, предостерегает, старается научить и образумить юного бродягу и сибарита, даёт ему советы, что не мешает ему в то же самое время жаловаться на утомлённость и бессилие, петербургскую суету и холодность, литературные дрязги и зависть. Да, он утомлён и несчастен, давно присмотрел себе место на Митрофаниевском кладбище и клеймит Добролюбова «психопатом», но он точно знает, как себя должно вести начинающему поэту, где публиковать стихи перед тем, как выпустить книгу, с кем общаться и почему следует сторониться жизни «бродячей кометы». Не знает он другого, а именно – того, что сибаритство и бродяжничество его «милый образины» носили отнюдь не случайный и не стихийный характер, а были признаками вызревания новой эстетики и принципиально иной поведенческой модели, незнакомой ему, ветерану литературного труда.

Размышляя на похожую тему, Е. З. Тарланов писал о социальном типе дилетанта в литературной жизни рубежа веков как об одном из признаков зарождения модернизма. При этом он отметил, что «в устах народнической критики, чьё противостояние модернизму, в сущности, и определяло обстановку в русской прессе последнего двадцатилетия XIX в., подобная тональность отзывов о целой новой поэтической генерации объяснялась даже не столько неконтролируемым потоком хлынувшей на русский книжный рынок под влиянием моды низкосортной продукции, сколько характерным для ортодоксального народничества увязыванием отхода от прямых гражданских деклараций с понижением читательского вкуса вообще. Между тем тенденция явного отчуждения большинства поэтов <...> от общественной жизни, выразившаяся в занятой ими позиции дилетанта, явилась не чем иным, как тем результатом эволюции сложного психологического, социального и экономического феномена литературного профессионализма, который

складывался в преддверии формирования модернизма и даже оказал определённое влияние на творческое поведение и эстетическую программу некоторых представителей литературы XX в.» [19, с. 237–238].

Свидетельством такого рода встречи и размежевания, по нашему мнению, является и эпистолярный текст Б. В. Бера и А. К. Шеллер-Михайлова.

Литература

1. Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь. Том 1. М.: Советская энциклопедия, 1989. 691 с.
2. Иванова Е. В. Горький и Б. В. Бер // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. Выпуск 1. М., 1989. С. 109–119.
3. Письма А. Кондратьева к Б. Беру // Литературное наследство. Том 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 4 книгах. Книга 3. М.: Наука, 1980. С. 277–280.
4. Перепелкин М. А. «Напиши мне про твои розы...». Письма А. А. Кондратьева Б. В. Беру. Подг. к публ., вст. статья М. А. Перепелкина // Performance (Самара). 2006. № 4 (25). С. 8–17.
5. Богомолов Н. А., Соболев А. Л. Письма А. А. Кондратьева к В. Я. Брюсову (окончание) // Литературный факт. 2019. № 11. С. 146–231.
6. Марискин О. И. Поэт Б. В. Бер и революционные события начала XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12–13 (86). С. 123–125.
7. Жаткин Д. Н. Б. Бер – переводчик английских поэтов // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. Сборник научных трудов. М., 2017. С. 112–117.
8. Жаткин Д. Н. Борис Бер – переводчик английских поэтов // Из истории русского художественного перевода первой трети XX века. М., 2019. С. 348–356.
9. Перепелкин И. М. Античные мотивы в поэтике Бориса Бера (на примере стихотворения «Сон отрока» // XLVIII Самарская областная студенческая научная конференция. Тезисы докладов. Санкт-Петербург, 2022. С. 89–90.
10. Перепелкин И. М. «Многим я в жизни молился богам»: античность Бориса Бера // Вестник молодых учёных и специалистов Самарского университета. 2022. № 2 (21). С. 134–139.
11. Перепелкин И. М., Перепелкин М. А. Самарский архивист Ф. Г. Попов как исследователь творчества Б. В. Бера // Самарский архивист. 2022. Выпуск 4. С. 114–119.
12. Самарский литературно-мемориальный музей им. М. Горького (далее – СЛМ). КП-3217.
13. СЛМ. КП-3220.
14. Русская поэзия «Серебряного века», 1890–1917: Антология. М.: Наука, 1993. 784 с.
15. СЛМ. КП-3221.
16. СЛМ. КП-3222.
17. СЛМ. КП-3224.
18. СЛМ. КП-3231/2.
19. Тарланов Е. З. Между золотым и серебряным веком. Петрозаводск, 2001. 393 с.

**B. V. BER AND A. K. SHELLER-MIKHAILOV:
EPISTOLARY AS THE KEY TO THE ARTISTIC WORLD**

I. M. Perepelkin

The report is devoted to the history of the creative dialogue between the poet and translator B. Ber and his literary patron A. Sheller-Mikhailov. Based on the analysis of the epistolary, the history of acquaintance, literary ties and cooperation between two artists of the realistic and pre-modernist trends is restored, the main motives of the correspondence are revealed, which, on the one hand, is evidence of the acquaintance and communication of representatives of different literary generations, and on the other hand, a curious epistolary text that actualizes such meanings as «old» and «young», «capital» and «province», «craft» and «inspiration». Consideration of the creative dialogue between B. Ber and A. Sheller-Mikhailov is interesting both from the point of view of the characteristics of each of the participants in the correspondence, and from the point of view of understanding the nature of pre-modernist aesthetics, which was formed in the conditions of simultaneous assimilation and rejection of classical traditions.

Key words: B. V. Ber, A. K. Sheller-Mikhailov, epistolary, pre-modernism, motives.

Статья поступила в редакцию 10.06.2023 г.